

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

УДК 81`25

Doi 10.26456/vtfilol/2025.4.181

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ В ПОВЕСТВОВАНИИ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА: ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

А.Д. Алимova

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва

В статье рассматривается использование несобственно-прямой речи в текстах, написанных от 1-го лица, а также особенности ее передачи при переводе с английского языка на русский. На материале романа Дж. Керуака «В дороге» и его переводов на русский язык установлено, что использование несобственно-прямой речи в текстах, написанных от 1-го лица, сходно с ее употреблением в произведениях, написанных от 3-го лица, хотя она и выполняет ограниченное число функций. При переводе же на русский язык несобственно-прямая речь с вводными конструкциями и низкой степенью текстовой интерференции нередко преобразуется в прямую речь.

Ключевые слова: *несобственно-прямая речь, повествование от первого лица, перевод, переводоведение.*

Получившая наиболее широкое распространение в литературе XX века несобственно-прямая речь (НПР) традиционно ассоциируется с произведениями, написанными от 3-го лица. Это можно объяснить тем, что в подобных произведениях распознать НПР бывает несколько проще, поскольку текст автора и текст персонажа противопоставлены более четко. Тем не менее произведениями, написанными от 3-го лица, использование художественного приема не ограничивается: структуры НПР встречаются и в повествовании, которое ведется от 1-го лица.

Цель данной работы – установить специфику функционирования НПР в английских текстах, написанных от 1-го лица, а также особенности передачи художественного приема при переводе с английского языка на русский. Для достижения данной цели были использованы следующие методы исследования: семантико-синтаксический анализ структур НПР, контекстуальный анализ, а также сопоставительный анализ текста оригинала и текста перевода.

Актуальность исследования обусловлена тем, что НПР достаточно часто используется в произведениях, написанных от 1-го лица, но, ввиду отсутствия подробных исследований, ее распознавание и передача при переводе вызывают трудности. Новизна же заключается в том, что в рамках исследования выявлены основные модели построения НПР в

тексте, написанном от 1-го лица, а также установлены соответствия структур НПР в рассматриваемой паре языков.

В качестве материала исследования был выбран роман американского писателя-битника Джека Керуака "On the road", а также его переводы на русский язык, выполненные В. Коганом (1995), М. Немцовым (2002) и А. Щетниковым (2020).

Мнения ученых относительно возможности существования НПР в художественных произведениях, написанных от 1-го лица, разнятся. Ряд исследователей ставит под сомнение возможность присутствия НПР в подобных текстах, придерживаясь той точки зрения, что наличие форм 3-го лица является неотъемлемой чертой художественного приема [9; 12]. Тем не менее важно не столько использование в составе НПР местоимений 3-го лица и глаголов в соответствующих формах, сколько их референциальная соотнесенность с текстом автора [10]. Так, если повествование идет от 3-го лица, вполне логично, что НПР также будет требовать использования в качестве маркера текста автора форм 3-го лица. При этом в случае, если текст произведения написан от 1-го лица, допустимым представляется и использование в НПР форм 1-го лица. Данного мнения придерживаются такие ученые, как Л. А. Соколова и В. Шмид [6; 8].

Так, В. Шмид пишет, что в случае диегетического повествования, т. е. повествования от 1-го лица, в котором автор (нарратор) рассказывает о самом себе, различия между текстом автора и текстом персонажа сглаживаются, и НПР можно выявить только на основании двух признаков: темы и оценки [8]. Возможность существования НПР в подобных текстах подтверждают и результаты исследования М. Хелккула на материале французского языка. Проанализировав использование НПР в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени», финская исследовательница пришла к выводу, что художественный прием выполняет такие функции, как сохранение и одновременно с этим нарушение целостности личности главного героя, передача иронии и сочувствия к персонажу [11].

При этом, если повествование идет от 1-го лица, особого внимания заслуживает разграничение НПР и внутреннего монолога. Согласно О. А. Блиновой, основное отличие двух разновидностей чужой речи заключается в том, что во внутреннем монологе используются формы 1-го лица, временной план текста персонажа, а также отсутствуют элементы текста автора – «знаки авторского присутствия» [1: 38]. Тем не менее ряд исследователей полагает, что в НПР тоже могут употребляться глагольные формы, совпадающие с глагольными формами временного плана персонажа [3; 5]. Таким образом, основное различие НПР и внутреннего монолога на формальном уровне заключается в использовании во внутреннем монологе форм 1-го лица в случае, если повествование ведется от 3-го лица. Исходя из этого, при анализе НПР в

произведениях, написанных от 1-го лица, использовать данный аспект в качестве отправной точки для разграничения двух разновидностей чужой речи не представляется возможным. Различия будут проявляться скорее на уровне смысла, а именно в отсутствии во внутреннем монологе текстовой интерференции, ведь, как отмечает А. Б. Есин, внутренний монолог характеризуется глубоким и полным воспроизведением мыслей и переживаний героя [2]. Это же подтверждает и мнение О. А. Блиновой об отсутствии в НПР элементов текста автора [1].

Исходя из вышесказанного, наибольшую трудность для распознавания НПР представляют как раз случаи передачи точки зрения – будь то представление содержания мыслей или репрезентация чувств – автора (нарратора), который повествует сам о себе. Тем не менее подобным употребление НПР в текстах, в которых повествование идет от 1-го лица, не ограничивается: структуры НПР могут встраиваться как в прямую речь главного героя, так и передавать точку зрения других героев. Разумеется, в таких случаях НПР чаще всего представляет собой произнесенную речь, а значит, в большей степени противопоставлена авторскому тексту.

Начнем рассмотрение использования НПР в тексте, написанном от 1-го лица, а именно в романе Дж. Керуака “On the Road”, и передачи художественного приема при переводе со случаев, когда НПР отражает точку зрения персонажа, не являющегося основным нарратором. В этой связи обратимся к классификации нарраторов, предложенной Б. Ромбергом и развитой В. Шмидом: ученые предлагают разделять нарраторов на первичного, вторичного, третичного и т. д., при этом первичный повествует основную историю, вторичный – вставную и т. д. [8; 13]. В рассматриваемом произведении “On the Road” первичным рассказчиком является Сал Парадайз, он же главный герой, и в книге наблюдается иерархическая структура нарраторов.

Итак, согласно результатам анализа, случаи передачи с помощью НПР точки зрения персонажа, не являющегося основным нарратором, сводятся к двум основным моделям: передача произнесенной речи вторичного нарратора первичным и передача произнесенной речи третичного нарратора вторичным. Под вторичным и третичным нарратором в рамках нашего исследования мы понимаем персонажа, который не является основным рассказчиком, т. е. главным героем, но от 1-го лица, зачастую в виде прямой речи, что-то сообщает.

Так, в приведенном ниже примере из текста оригинала структуры НПР содержатся во втором предложении, представляющем собой произнесенную речь Дина. Данная НПР имеет включенную вводящую конструкцию *Dean said*: читатель воспринимает начало предложения как речь автора, а затем, дойдя до вводящей конструкции, понимает, что это речь Дина. В переводе же В. Когана НПР отсутствует: переводчик оставляет данное предложение в плане авторской речи, используя лишь

вводное сочетание «по словам», указывающее на источник сообщения. Отчасти отказ от воссоздания в переводе текстовой интерференции можно объяснить тем, что в данной НПР отсутствуют характерные черты речи Дина, и гораздо важнее оказывается содержание речи.

George Shearing, the great jazz pianist, Dean said, was exactly like Roll Greb.	Джордж Ширинг – великий джазовый пианист – был, по словам Дина, в точности таким же, как Ролло Греб. (пер. В. Когана)
---	---

В следующем примере НПР входит в состав прямой речи персонажа Реми, который цитирует президента США Гарри Трумэна. При этом НПР не содержит вводящих конструкций, лишь в предшествующей художественному приему части сложного предложения имеется указание на то, что приведенные дальше слова могут восприниматься как чужая речь – *what President Truman said*. Хотя данная НПР также не имеет специфических языковых маркеров текста персонажа, она выделена графически, а именно с помощью курсива. Как пишет В. К. Ланчиков, данный способ графического выделения может, в частности, выполнять цитатную функцию, например, чтобы перенести реплику в план авторской речи [4]. Это же происходит и в рассматриваемом примере: в результате отсутствия кавычек фраза, с одной стороны, остается в плане авторской речи, а с другой – выделяется на фоне авторского текста, порождая текстовую интерференцию. Таким образом, НПР в данном случае представляет собой речь третичного нарратора, переданную вторичным.

And he said, "Paradise, I have told you several times what President Truman said, <i>we must cut down on the cost of living.</i> "	— Парадайз, — отвечал он, — я уже устал повторять тебе слова президента Трумэна: мы <i>должны снизить стоимость жизни</i> . (пер. В. Когана)
	– Парадиз, я несколько раз уже говорил тебе, что́ сказал президент Трумэн: <i>мы должны подрезать прожиточный минимум</i> . (пер. М. Немцова)
	И он сказал: «Парадайз, я уже несколько раз объяснял тебе: <i>президент Трумэн сказал, что мы должны сократить стоимость жизни</i> ». (пер. А. Щетникова)

В переводе В. Когана НПР сохраняется в том же месте текста и выделяется курсивом, который для русской НПР характерен в меньшей степени, но тем не менее возможен. Вводится же НПР после двоеточия как раскрытие слов президента Трумэна. Подобную модель использовал и М. Немцов. В переводе же А. Щетникова НПР утрачена, двоеточие используется в целях раскрытия содержания объяснения, а слова Г. Трумэна оформлены посредством косвенной речи. Представляется, что в данном случае использование курсива избыточно.

В приведенном ниже примере формально НПР – посыл, который Дин пытается донести своей улыбкой, то есть НПР можно рассматривать

как передачу особенностей восприятия главного героя, ведь это он трактует улыбку Дина таким образом.

Then Marylou and I both laughed – and Dean gave no sign of dis-comfiture, just a goofy glad grin that said to us, Ain't we gettin our kicks <i>anyway</i> ? And that was it.	Потом мы с Мерилу рассмеялись, а Дин, ничуть не смутившись, скорчил идиотскую радостную гримасу, как бы говоря: «Разве, <i>несмотря ни на что</i> , мы не берем от жизни все?» И он был прав. (пер. В. Когана)
--	--

В тексте оригинала НПР входит в состав первого предложения – *Ain't we gettin our kicks anyway?* Данный художественный прием вводится в текст повествования с помощью препозиционной вводящей конструкции *grin that said to us*, и, хотя в ее составе присутствует глагол говорения, НПР характеризует впечатление, которое производит на героев выражение лица Дина. НПР маркируется как лексически (разговорным выражением *to get one's kicks*), так и грамматически: на синтаксическом уровне – с помощью вопросительного предложения, не встроенного в модель косвенной речи и сохранившего обратный порядок слов, заглавную букву в начале и вопросительный знак в конце, а на морфологическом уровне – с помощью разговорной формы *ain't*. Кроме того, в предложении используется форма *gettin*, отражающая особенности произношения героя, и курсивное выделение *anyway*, выполняющее интонационно-экспрессивную функцию [4].

В переводе В. Когана данный отрывок текста лишен текстовой интерференции и оформлен структурами прямой речи. В целом замена НПР на прямую речь, несмотря на потерю эффекта завуалированности, позволяет сохранить присущую художественному приему экспрессивность, однако в данном случае сохранено только курсивное выделение, общая же разговорность высказывания, отражающая речевую характеристику героя, утрачена. То же происходит и в переводе А. Щетникова. В переводе же М. Немцова НПР сохранена: «... Дин нимало не смущался, лишь радостно и дурачки ухмылялся, как бы говоря нам: ну разве мы не оттягиваемся все равно?» Однако фраза имеет неестественную для разговорной речи синтаксическую структуру, а использованный в переводе жаргонизм «оттянуться» сложно отнести к средствам создания речевой характеристики персонажа, поскольку подобными лексическими единицами изобилует весь текст перевода, хотя в тексте оригинала подобное не наблюдается.

В тех же случаях, когда НПР выполняет функцию представления содержания мыслей, передачи особенностей восприятия ситуации или репрезентации чувств героя, от имени которого ведется повествование, то есть первичного нарратора, она реализуется в двух основных моделях: с вводящими конструкциями и без них.

Если в НПР присутствует вводная конструкция, в основном она располагается либо внутри НПР (включенная вводная конструкция), либо после НПР (постпозиционная вводная конструкция). Это связано с тем, что в английском языке возможно опущение союза *that* в косвенной речи, следовательно, препозиционная вводная конструкция будет представлять собой скорее не маркер НПР, а главное предложение в модели косвенной речи. Тем не менее в случае присутствия текстовой интерференции глагольные и именные обороты, предшествующие НПР, могут рассматриваться как препозиционные вводные конструкции.

В анализируемом произведении структуры НПР с вводными конструкциями в преобладающем большинстве случаев вводятся в текст с помощью конструкции *I said to myself*, что, к слову, в целом можно рассматривать как черту идиостиля Дж. Керуака. Таким способом НПР вводится в текст, например, в следующем отрывке.

He didn't have a care in the world and had the hugest regard for everybody. I said to myself, Wham, listen to that man laugh. That's the West, here I am in the West.	А ему все было нипочем, и к каждому он относился с крайним почтением. Ого, сказал я себе, послушай, как смеется этот парень! Это же Запад, вот я и на Западе. (пер. В. Когана)
	Ни забот, ни хлопот у него и вместе с тем здоровнейшее уважение к каждому. Я сказал себе: «Эге, только послушай, как этот чувак ржет. Вот тебе Запад, это я на Западе». (пер. М. Немцова)
	У него не было забот в этом мире, и он с огромным уважением относился ко всем. Я сказал себе: «Послушай, как смеётся этот человек». Это Запад, вот я на Западе. (пер. А. Щетникова)

В данном случае НПР в тексте оригинала следует за упомянутой выше вводной конструкцией, располагающейся в препозиции. Сама же НПР маркируется с помощью междометия *wham*, использования сокращенной грамматической формы (*that's* вместо *that is*) и повелительного наклонения, которое в текстах, написанных от 1-го лица, в качестве маркера НПР употребляется чаще, чем в текстах, где повествование идет от 3-го лица. В качестве маркера НПР можно рассматривать и нетипичное пунктуационное оформление: НПР отделена от препозиционной вводной конструкции запятой, при этом сама НПР начинается с заглавной буквы.

В переводе В. Когана НПР сохранена, однако вместо препозиционной вводной конструкции используется включенная, что в целом менее типично для НПР в русском языке. Данное решение можно рассматривать как компенсацию нетипичного использования препозиционной вводной конструкции в английском оригинале. В качестве же маркеров НПР также выступают междометие («ого») и повелительное наклонение. Отсутствующее в русском языке сокращение

грамматических форм компенсируется посредством использования восклицательного предложения и частицы «вот».

При этом не все переводчики решили сохранить НПР в полном объеме в данном месте текста, хотя и оставили вводящую конструкцию в препозиции. Например, А. Щетников разделяет отрывок текста на две части, передавая первую структурами прямой речи, а вторую – структурами НПР. Данное решение нельзя назвать удачным, поскольку между первой и второй частью существенной разницы в оригинале не наблюдается. Однако можно предположить, что такое преобразование обусловлено стремлением переводчика привязать препозиционную вводящую конструкцию к более типичной русской структуре.

К структурам прямой речи прибегает и М. Немцов. С одной стороны, решение включить в состав прямой речи всю НПР, а не только ее часть представляется более последовательным, с другой же – в прямой речи используется жаргонизм и просторечие, в то время как в оригинале маркерами НПР служат лексемы с пометой *informal*, тяготеющие к разговорному регистру. Впрочем, такое словоупотребление свойственно переводам М. Немцова в целом и характеризует его специфический подход к переводу, подробно описанный А. И. Шеиным [7]. Кроме того, выражение «вот тебе...» указывает скорее на разочарование – оттенок значения, отсутствующий в оригинальной фразе *That's the West*, – в результате чего в переводе наблюдается искажение смысла. Окончание последнего предложения «это я на Западе» также содержит оттенки смысла, отсутствующие в английском оригинале: его можно понять либо как пояснение для читателя, либо напоминание самому себе.

При этом следует отметить, что в ряде случаев В. Коган, как и другие переводчики, прибегает к замене НПР первичного нарратора на прямую речь, тем самым лишая отрывок текстовой интерференции и полностью перенося его в план речи персонажа. В частности, это характерно для случаев построения НПР с вводящей конструкцией.

В качестве примера приведем следующий отрывок, в котором НПР, представленная в оригинале междометием и введенная в текст повествования с помощью постпозиционной вводящей конструкции, в переводе оформлена как прямая речь.

Whoeee, I told my soul, and the cowboy came back and off we went to Grand Island.	«Э-э-эх!» – восторженно пропел я в душе, и тут вернулся ковбой, и мы отправились в Гранд-Айленд. (пер. В. Когана)
---	---

Интересным представляется то, что и А. Щетников, и М. Немцов в данном случае сохранили в переводе структуру НПР с постпозиционной вводящей конструкцией.

Если же НПР используется без вводящих конструкций, у переводчика возникают две трудности: во-первых, разграничить НПР и авторский текст, а во-вторых, установить, что перед ним именно НПР, а

не внутренний монолог. С одной стороны, обе эти трудности возникают и при переводе текста, написанного от 3-го лица, с другой – обе они становятся еще более существенными, когда речь идет о повествовании от 1-го лица, поскольку, как мы уже писали выше, в таком случае текст автора и текст персонажа противопоставлены менее резко.

Так, в приведенном ниже примере НПР в тексте оригинала представлена двумя последними предложениями, характеризующимися интерференцией текста автора и текста персонажа. С одной стороны, маркерами текста автора выступают временной план и референциальная соотнесенность с текстом автора. С другой стороны, исходя из содержания и языкового оформления фразы, можем заключить, что произнесена она была не нарратором, который описывает произошедшее ранее, а героем в то самое время, когда женщина предложила ему довести автомобиль до Айовы. В качестве маркеров текста персонажа в НПР можно выделить восклицательное назывное предложение, а также неполное предложение *not so far from Denver*. Таким образом, наличие маркеров персонажа и общий смысл фразы в контексте позволяют отграничить ее от авторского повествования, а присутствие текстовой интерференции – от внутреннего монолога.

<p>... [she] wanted somebody to help her drive to Iowa. I was all for it. Iowa! Not so far from Denver, and once I got to Denver I could relax.</p>	<p>Она хотела, чтобы кто-нибудь помог ей довести машину до Айовы, на что я охотно согласился. Айова! Там уж и до Денвера недалеко, а как только доберусь до Денвера, я смогу наконец сделать передышку. (пер. В. Когана)</p>
	<p>... она просто хотела, чтобы кто-нибудь помог ей доехать до Айовы. Я был только за. Айова! До Денвера рукой подать, а как только попаду в Денвер, можно и расслабиться. (пер. М. Немцова)</p>
	<p>... [она] хотела, чтобы кто-нибудь помог ей доехать до Айовы. Я был к её услугам. Айова! Не так далеко от Денвера, и как только я доберусь до Денвера, я смогу расслабиться. (пер. А. Щетникова)</p>

Во всех трех переводах НПР сохранена. В качестве маркеров текста персонажа, так же как и в оригинале, используются восклицательное назывное предложение и неполное предложение. Кроме того, в конце перевода В. Когана и А. Щетникова использована форма будущего времени «смогу» – смена временного плана, являющаяся типичной для русской НПР, а в переводе М. Немцова употреблено безличное предложение «можно расслабиться», что также характерно для русской НПР.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают, что НПР может встречаться в произведениях,

написанных от 1-го лица, однако сфера ее использования там более узкая, чем в текстах, в которых повествование идет от 3-го лица. В произведениях, написанных от 1-го лица, НПР выполняет такие функции, как передача произнесенной речи вторичных и третичных нарраторов, представление содержания мыслей и репрезентация чувств первичного нарратора, а также передача особенностей его восприятия ситуации. НПР, выполняющая функцию передачи произнесенной речи, обычно имеет вводящие конструкции, в то время как НПР, выполняющая остальные функции, может использоваться как с вводящими конструкциями, так и без них, что усложняет распознавание художественного приема в тексте произведения.

При передаче НПР при переводе произведений, написанных от 1-го лица, на русский язык вводящие конструкции в основном сохраняются, однако, по сравнению с переводами текстов, в которых повествование идет от 3-го лица, более часто встречается такое решение, как замена НПР на прямую речь в случае невысокой текстовой интерференции и наличия вводящих конструкций. Представляется, что такую тенденцию можно объяснить желанием переводчиков сделать текст понятнее для читателя и использовать более распространенные в переводящем языке структуры. Если же вводящие конструкции отсутствуют, чаще всего переводчики сохраняют НПР в том же месте текста, воссоздавая в переводе текстовую интерференцию.

Список литературы

1. Блинова О.А. Несобственно-прямая речь или внутренний монолог: к проблеме разграничения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (44). С. 37–40.
2. Есин А.Б. Внутренний монолог // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под. ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. Информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 127–128.
3. Карцевский С.И. Из лингвистического наследия / сост., пер., вступ. ст. и коммент. И.И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 2. 296 с.
4. Ланчиков В.К. Курсив без права передачи. О курсивном выделении в переводах художественной литературы // Мосты. 1 (65). М.: Р.Валент, 2020. С. 32–42.
5. Ригато С. Несобственно-прямая речь и её формы во второй части романа Ю.К. Олеши «Зависть» // Slavica tergestina. 1998. № 6. С. 163–196.
6. Соколова Л.А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1968. 281 с.
7. Шеин А.И. «Линяем, цыпа». Как Немцов Дилана следить за базаром учил // Мосты. 2 (14). М. Р.Валент, 2007. С. 61–73.
8. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
9. Cohn D. Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction. Princeton: Princeton University Press, 1978. 331 p.

10. Fludernik M. *The Fictions of Language and the Languages of Fiction*. N. Y.: Routledge, 1993. 531 p.
11. Helkkula M. FID in 'first-person narration.' On Proust's *A la recherche du temps perdu*. In *Free language, indirect translation, discourse narratology // Tampere studies in language, translation and culture, Series A*. Tampere: Tampereen yliopistopaino. 2006. Pp. 11–26.
12. Pascal R. *The Dual Voice. Free Indirect Speech and Its Functioning in the Nineteenth-century European Novel*. Manchester: Manchester University Press, 1977. 150 p.
13. Romberg B. *Studies in the Narrative Technique of the First-Person Novel*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1962. 379 p.

Об авторе:

АЛИМОВА Анастасия Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет (119034, г. Москва, ул. Остоженка дом 38 стр.1); e-mail: alimovaad@gmail.com

FREE INDIRECT SPEECH IN FIRST-PERSON NARRATION: LINGUISTIC CHARACTERISTICS AND ENGLISH-TO-RUSSIAN TRANSLATION PATTERNS

A.D. Alimova

Moscow State Linguistic University, Moscow

The article examines the usage of free indirect speech in first-person narration and its translation patterns. Both the original text of *On the Road* by Jack Kerouac and three translations of the novel into Russian have been analyzed to determine that free indirect speech patterns in first-person narration are similar to those in third person narration though the number of functions free indirect speech can fulfill is limited and the stylistic device with introductory constructions and a low degree of textual interference is frequently transformed into direct speech.

Keywords: *free indirect speech, free indirect discourse, first-person narration, translation, translation studies.*

About the author:

ALIMOVA Anastasia D.– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and English Translation, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University (119034, Ostozhenka Str. 38 buil.1, Moscow); e-mail: alimovaad@gmail.com

Статья поступила в редакцию 10.04.25
Подписана в печать 16.10.25

© Алимова А.Д., 2025